

НЕКРОЛОГЪ

ПАВЕЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АННЕНКОВЪ

† 8-го марта 1887 г.

Восьмого марта пришло извѣстiе о кончинѣ Павла Васильевича Анненкова въ этотъ день, въ Дрезденѣ. Еще одинъ изъ видныхъ представителей сороковыхъ годовъ сошелъ въ могилу; эта эпоха весьма скоро совсѣмъ отойдетъ въ исторiю, и для новыхъ поколѣнiй не останется ея живыхъ свидѣтелей. Такимъ свидѣтелемъ былъ въ особенности Анненковъ,—хотя и не въ смыслѣ прямого участiя въ дѣлахъ и тревогахъ литературной жизни новѣйшаго времени, отъ которой онъ былъ уже давно далекъ, живши въ послѣднее время почти исключительно за границей,—но онъ, какъ немногие люди сороковыхъ годовъ, оставилъ о той эпохѣ и ея людяхъ много цѣнныхъ, характерныхъ разсказовъ.

Павель Васильевичъ Анненковъ родился въ 1811г., въ Москвѣ ¹⁾. Первоначальную школу онъ прошелъ въ горномъ корпусѣ въ Петербургѣ, до специальныхъ его классовъ, гдѣ начиналось собственно горно-инженерное преподаванiе; оставивъ корпусъ, онъ посѣщалъ лекцiи петербургскаго университета по историко-филологическому факультету. Въ 1833 г., онъ поступилъ на службу въ канцелярiю министра финансовъ, а въ 1840 г. уѣхалъ за границу, гдѣ оставался нѣсколько лѣтъ. Еще до отъѣзда онъ, применивъ къ литературному кругу и, по собственному его указанiю, тогда еще, въ 1839 г., познакомился съ Бѣлинскимъ. Конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ были *Lehr- и Wander-Jahre* того поколѣнiя. Въ молодыхъ образованныхъ кругахъ было особенное тяготѣнiе къ европейскому философскому и литературному движенiю въ Германiи, Францiи и Англии; здѣсь видѣлся источникъ свѣта, и на ряду съ плеядой молодыхъ ученыхъ, которые готовились къ профессурѣ особливо въ нѣмецкихъ университетахъ, сюда стремились другiя молодые силы, искавшiя знанiй и впечатлѣнiй искусства для будущей литературной дѣятельности. Эти побужденiя влекли на западъ Станкевича, Тургенева и иныхъ; въ числѣ ихъ былъ и Анненковъ, который,

¹⁾ Въ Энциклопед. Словарѣ 1862 г. и Словарѣ Березина указанъ годъ рожденiя—1813, что и повторено некрологами. По свидѣтельству родныхъ П. В., годомъ рожденiя его былъ 1811: документы объ его рожденiи сгорѣли въ Москвѣ, въ 1812

между прочимъ, за границей, въ Берлинѣ, въ первый разъ встрѣтилъ Тургенева. Вслѣдствіе тѣхъ отношеній, какія уже были у него завязаны въ петербургскомъ литературномъ кругу, рядъ его писемъ изъ за границы, адресованныхъ имъ сначала къ Бѣлинскому, сталъ появляться въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Письма совпадали съ интересами кружка Бѣлинскаго и составили первое литературное право Анненкова; это были рассказы туриста о западной жизни, крупной и мелкой, бытовой, исторической, художественной и литературной,—но туриста, который умѣлъ сводить подробности къ общимъ чертамъ и вмѣстѣ умѣлъ оцѣнить широкія явленія умственной и литературной жизни ¹⁾. Вернувшись въ Россію, Анненковъ вошелъ въ болѣе тѣсныя связи съ кружкомъ Бѣлинскаго, теперь уже совсѣмъ опредѣлившимся. Въ 1846, Анненковъ опять отправился за границу, и въ слѣдующемъ году взялъ на свое попеченіе больного Бѣлинскаго, который тогда, по требованію докторовъ, отправился на воды въ Германію и потомъ въ Парижъ. Сохранились письма Бѣлинскаго къ Анненкову отъ 1847 г., исполненныя самаго дружескаго чувства и признательности за теплое участіе, которое онъ принялъ въ его тогдашнемъ положеніи. Вторая поѣздка Анненкова за границу повела къ новому ряду писемъ, которыя помѣщались въ основномъ тогда „Современникѣ“, въ 1847—1848 годахъ („Письма изъ Парижа“). Анненковъ пробылъ за границей до октября 1848 г.; онъ былъ свидѣтелемъ бурныхъ политическихъ событій того времени и впоследствии рассказалъ о нихъ въ статьѣ: „Парижъ въ 1848 году“ ²⁾. Въ первой книгѣ „Современника“ 1849 г. были помѣщены его „Замѣтки о русской литературѣ 1848 года“ ³⁾, которыми открылся рядъ многочисленныхъ его статей о главнѣйшихъ явленіяхъ нашей художественной литературы съ конца сороковыхъ до семидесятыхъ годовъ. Тамъ же, въ „Современникѣ“ 1849 г., помѣстилъ онъ рядъ „Провинціальныхъ писемъ“ ⁴⁾, посвященныхъ провинціальной, городской и деревенской жизни; это частью—правописательные и психологическіе очерки типовъ образованнаго круга, частью—картины приволжской природы и пейзажа, частью—очерки народнаго быта (предметъ описанія былъ симбирскій, самарскій и отчасти казанскій край, гдѣ у Аннен-

¹⁾ См. „Отечеств. Записки“, 1841—42, смѣсь: „Письма изъ-за границъ“, именно изъ Гамбурга, Берлина, Вѣны, Италіи и Парижа. Ср. позднѣйшія замѣчанія Анненкова о порѣ этого перваго его путешествія, въ „Воспоминаніяхъ и критическихъ Очеркахъ“, Спб. 1877—81, III, стр. 57 и дал.

²⁾ Въ „Библиографѣ для Чтенія“ 1860 г.; повторено въ „Воспоминаніяхъ и Очеркахъ“, I, стр. 241—328.

³⁾ „Восп. и Очерки“, II, стр. 23—45.

⁴⁾ „Наканунъ пятидесятихъ годовъ. Письма изъ провинціи 1849 г.“, въ „Восп. и Очеркахъ“, II, стр. 11—160.

кова было имѣнье и деревенскія связи). Эти письма могутъ быть и теперь прочитаны не безъ интереса. Тогдашній горизонтъ наблюденій, доступныхъ для литературы въ этой области, былъ очень тѣсенъ; наблюденія всегда шли дальше, чѣмъ могли быть высказаны, и объемъ описаній провинціальной жизни по-неволѣ слагывался въ тѣ рамки, какія сложились въ обстоятельствахъ литературы,—но, среди беллетристическаго изображенія случайныхъ лицъ провинціи, въ письмахъ Анненкова разбросаны интересныя подробности о народномъ бытѣ и природѣ приволжскаго края, и найдутся замѣтки, не бесполезныя и для тѣхъ, кто имѣлъ бы въ виду даже специальное этнографическое изученіе. Это послѣднее было въ то время еще рѣдкостью, и этнографическіе намеки Анненкова тѣмъ болѣе любопытны.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ Анненковъ занятъ былъ трудомъ, составившимъ вполнѣдствіи его главную литературную заслугу: это было изданіе Пушкина. Въ одной изъ предыдущихъ книгъ „Вѣстн. Европы“ было сказано подробно о значеніи этого труда и объ условіяхъ, въ какихъ онъ исполнялся. Не повторяя этихъ подробностей, скажемъ только, что предпріятіе Анненкова было особенно цѣнно въ обстоятельствахъ, среди которыхъ жила тогда наша литература. Обстоятельства были очень мало благопріятныя. Окруженная тяжелымъ недоувѣріемъ и подозрѣніями, литература едва хранила нить преданія сороковыхъ годовъ, и изданіе Пушкина приобруло цѣну нравственнаго ободренія; это было притомъ не только напоминаніе, но въ значительной степени и реставрація писателя, который для критики сороковыхъ годовъ былъ величайшимъ явленіемъ русской литературы и залогомъ ея будущаго. Что съ предпріятіемъ Анненкова соединялось именно подобное нравственно ободряющее впечатлѣніе, можно видѣть изъ того особливо сочувственнаго пріема, какимъ оно было встрѣчено въ свое время: оно считалось цѣлымъ событіемъ.

Какъ исполнялось самое изданіе, объ этомъ долго спустя рассказывалъ Анненковъ въ своей статьѣ: „Литературная Тяжба“. Эта тяжба шла о твореніяхъ одного изъ величайшихъ русскихъ писателей, о лучшемъ достоинствѣ и гордости нашей литературы, и процессъ былъ характернымъ олицетвореніемъ ея общественнаго положенія. Въ той же статьѣ „Вѣстника Европы“ объ исторіи Пушкинскаго текста было сказано и о томъ, какое значеніе трудъ Анненкова имѣлъ для развитія историко-литературныхъ изысканій: это былъ первый въ своемъ родѣ опытъ изслѣдованія внѣшней и внутренней біографіи писателя, исторіи его содержанія и способовъ творчества. Позднѣе, когда подобныя изысканія установились и размножились вообще историко-литературный матеріалъ, не трудно было указать недосмотры

и ошибки въ работѣ Анненкова; забываютъ только, что въ подобныхъ случаяхъ чрезвычайно важно и особенно трудно бываетъ именно начало. Какъ притомъ мудро было внѣшнее положеніе Анненкова въ качествѣ издателя Пушкина, можно видѣть изъ того, что когда, по окончаніи изданія, наступили болѣе благоприятныя цензурныя условія, Анненковъ могъ издать въ 1857 г. цѣлый дополнительный томъ.

Вслѣдъ затѣмъ, другимъ важнымъ трудомъ Анненкова была извѣстная біографія Станкевича ¹⁾. Эта книга, новый опытъ тонкой біографической работы, имѣла опять тоже нравственно-общественное значеніе, какъ наоминаніе преданій сороковыхъ годовъ. Анненковъ не зналъ лично Станкевича, но ему, человѣку того же поколѣнія и такъ же настроенному, близко было все содержаніе идей, одушевлявшихъ тотъ кружокъ, и въ жизнеописаніи Станкевича онъ хотѣлъ сохранить память о замѣчательномъ лицѣ, почти не заявившемъ себя ничѣмъ въ литературѣ, но имѣвшемъ глубокое вліяніе на своихъ юныхъ современниковъ, будущихъ дѣятелей сороковыхъ годовъ, своими философскими запросами и нравственнымъ обаяніемъ ума и поэтической личности. Что Анненковъ достигъ своей цѣли, можно видѣть изъ чрезвычайно сочувственной статьи Добролюбова ²⁾: въ Станкевичѣ былъ понятъ глубокій общественный характеръ его стремленій, получившихъ историческое значеніе въ развитіи литературы, хотя самъ онъ почти не былъ писателемъ.

Не будемъ подробно останавливаться на дальнѣйшихъ трудахъ Анненкова съ 50-хъ и до 80-хъ годовъ. Они разсѣяны были въ „Современникѣ“, въ „Библіотекѣ для Чтенія“, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (редакціи В. Θ. Корша; между прочимъ, вступительная статья газеты при началѣ изданія), въ старыхъ годахъ „Русскаго Вѣстника“, въ „Атенеѣ“ (Е. Θ. Корша), наконецъ, за послѣднія лѣтъ двадцать, въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ газетѣ „Порядокъ“ (1881). Укажемъ ихъ только вкратцѣ.

Въ томъ же 1857 г., когда была издана имъ біографія Станкевича, онъ напечаталъ живой и любопытный разсказъ о Гоголѣ ³⁾, съ которымъ онъ былъ близокъ въ Римѣ въ 1841 году; этотъ разсказъ остается до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ біографическихъ документовъ о нашемъ великомъ писателѣ. Съ 1854 г. да идетъ рядъ критическихъ очерковъ Анненкова о современной беллетристикѣ:

¹⁾ „Николай Владиміровичъ Станкевичъ, переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ“. Москва, 1857. Біографія была повторена (безъ переписки Станкевича) въ „Восп. и Очеркахъ“, III, 268—388.

²⁾ Сочиненія, изданіе 1862, т. II, стр. 1—23.

³⁾ „Библіотека для Чтенія“; „Восп. и Очерки“, I, стр. 161—240.

„Романы и рассказы изъ простонароднаго быта въ 1853 году“ (1854); „Характеристики: И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой“ (1854); „Старая и новая критика“ (1856); „Аксаковъ и его Семейная Хроника“ (1856); „Сатира въ комедіи Н. Львова: Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ (1858); „Литературный типъ слабаго человѣка“ — по поводу Тургеневской „Аси“ (1858); „Дѣловой романъ въ нашей литературѣ: „Тысяча душъ“, романъ А. Писемскаго“ (1859); „Наше общество въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ Тургенева“ (1859); „Гроза“ Островскаго и критическая буря (1860)“; „Русская беллетристика въ 1863 году: Помяловскій, Успенскій, Островскій Н. Щедринъ, гр. Л. Н. Толстой, г-жа Кохановская, Писемскій, (1863), „Чаевъ и гр. А. К. Толстой: Дмитрій Самозванецъ и Смерть Іоанна Грознаго“ (1866); „Русская современная исторія въ романѣ И. С. Тургенева: Дымъ“ (1867); „Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: Война и миръ“ (1868); „Послѣднее слово русской исторической драмы: „Царь Ѳеодоръ Ивановичъ“, гр. А. К. Толстого“ (1868) ¹⁾.

Въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ Анненковъ пробовалъ себя и въ беллетристикѣ, въ томъ родѣ, какъ подобные опыты сдѣланы были имъ въ „Провинціальныхъ письмахъ“. Но вскорѣ уже онъ бросилъ эти попытки ²⁾.

Въ своей критической дѣятельности Анненковъ былъ продолжателемъ критики сороковыхъ годовъ, партизаномъ строгаго художества, который недовѣрчиво и даже недружелюбно относился къ новымъ критическимъ запросамъ, исходившимъ изъ запросовъ общественныхъ. Это не мѣшало ему бывать весьма вѣрнымъ оцѣнщикомъ явленій текущей литературы и, при случаѣ (какъ напр. въ разборѣ „Дыма“, Тургенева), защищать и общественную тенденцію повѣсти и романа. Человѣкъ широкаго литературнаго образованія, онъ умѣлъ подмѣчать внутреннія особенности беллетристическаго творчества и указывать его слабыя стороны, когда писатель съ благими намѣреніями употреблялъ для ихъ достиженія средства, чуждыя непосредственному художеству и невѣрно рассчитанныя. Таковы были, напр., его замѣчанія о повѣстяхъ изъ народнаго быта гг. Григоровича и Потѣхина, въ свое время очень популярныхъ, которыхъ Анненковъ упрекалъ въ прикрашиваніи бытовыхъ лицъ и сценъ „литературною выдумкою“, — замѣчанія о такихъ же повѣстяхъ Кохановской, и пр., о драмахъ гр. А. К. Толстого и т. д. Съ первыхъ критическихъ этюдовъ, Анненкова упрекали въ нѣкоторой темнотѣ его стила, что было въ

¹⁾ Эти статьи собраны въ „Воспоминаніяхъ и Очеркахъ“, т. II.

²⁾ Это были: повѣсть „Кириюша“, безъ имени автора, „Соврем.“ 1847, т. III; „Она погибнетъ“, съ буквами имени, — тамъ же, 1848, т. X; „Странный человѣкъ“, — тамъ же, 1851, т. XXVII.

то время справедливо; припоминаемъ изъ его бесѣдъ, что эта темнота была почти намѣренная—съ одной стороны, она иной разъ давала ему возможность избѣгать внѣшняго неудобства, съ другой—должна была удерживать читателя на высотѣ отвлеченныхъ соображеній, требовать и возбуждать его вниманіе. Къ сожалѣнію, это могло имѣть и свою оборотную сторону: большинство пугалось отвлеченности, и, благодаря формѣ, Анненковъ, какъ критикъ, имѣлъ меньше вліянія, чѣмъ могли бы имѣть его труды по ихъ содержанію.

Съ конца сороковыхъ годовъ, Анненковъ былъ близкимъ другомъ кружка, собиравшагося въ тогдашней редакціи „Современника“; здѣсь очень цѣнился его критическій авторитетъ, въ которому впослѣдствіи неизмѣнно прибѣгалъ и Тургеневъ: всѣ послѣднія его произведенія, какъ извѣстно, прежде чѣмъ попасть въ печать, отдавались на судъ Анненкова, мнѣнія котораго Тургеневъ принималъ безпрекословно.

Въ семидесятыхъ годахъ Анненковъ возвратился къ изслѣдованіямъ о Пушкинѣ. Результатомъ ихъ былъ рядъ любопытныхъ статей о Пушкинѣ въ Александровскую эпоху, объ общественныхъ идеалахъ и литературныхъ проектахъ Пушкина. Это была старая, давно намѣченная и излюбленная тема; теперь только авторъ находилъ возможность высказать свои представленія о Пушкинѣ, матеріаль которыхъ собранъ былъ еще въ ту пору, когда Анненковъ готовилъ свое изданіе. Пушкинъ былъ для него національно-литературной святыней: въ истолкованіи Пушкина нашли отраженіе и собственныя идеальныя представленія автора объ искусствѣ и о самой общественности.

Къ 1880 году относится новый, чрезвычайно интересный рядъ статей: „Замѣчательное десятилѣтіе“ (1838—1848). Главнымъ образомъ, это—наиболѣе полное біографическое свидѣтельство о Бѣлинскомъ историка-очевидца, соединенное съ общей характеристикой литературнаго и умственнаго движенія сороковыхъ годовъ.

Далѣе, слѣдуетъ еще отмѣтить характеристику Писемскаго („Художникъ и простой человѣкъ“) и опять чрезвычайно интересный очеркъ: „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“, посвященный Герцену и, въ особенности, Огареву.

Смерть стараго друга, Тургенева, застала Анненкова уже съ ослабѣвшими силами; но онъ занялся разборомъ его бумагъ и могъ написать тѣ три статьи, которыя помѣщены были въ „Вѣстникѣ Европы“, въ 1884—87 годахъ.

Послѣднее время своей жизни, съ конца 60-хъ годовъ Анненковъ прожилъ за границей, изрѣдка приѣзжая въ Россію для устройства своихъ дѣлъ...

Такова была, въ общихъ чертахъ, дѣятельность Анненкова, какъ

писателя. Онъ остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей „сороковыхъ годовъ“, самымъ вѣрнымъ хранителемъ ихъ преданій въ полной неприкосновенности. Онъ не былъ присяжнымъ критикомъ-публицистомъ; шумъ и тревоженія общественной жизни какъ будто отталкивали его и, быть можетъ, были одной изъ причинъ его продолжительнаго абсентеизма. Это не былъ также и присяжнымъ писателемъ; за исключеніемъ одной поры, онъ обыкновенно лишь изрѣдка отзывался на событія нашей художественной литературы, а въ послѣднее время былъ только историкомъ. Его труды занимаютъ уже и теперь почетное мѣсто въ ряду историческихъ трактатовъ о нашей новѣйшей литературѣ: онъ едва ли не больше, чѣмъ кто-либо въ новѣйшее время, сдѣлалъ для истолкованія Пушкина, оставилъ весьма важныя свидѣтельства о Гоголѣ, объ эпохѣ сороковыхъ годовъ; во всѣхъ трудахъ своихъ онъ высоко ставилъ достоинство литературы и, избѣгая говорить о настоящемъ, онъ въ своихъ разсказахъ о прошедшемъ далъ ясное понятіе о своихъ взглядахъ на это достоинство литературы и на общественныя качества обскурантизма.

Въ 1880 г., во время Пушкинскаго праздника въ Москвѣ, московскій университетъ почтилъ Тургенева и Анненкова избраніемъ въ свои почетные члены; это была справедливая дань литературнымъ заслугамъ того и другого.

А. П и п и н ъ.

Прилагаемъ списокъ статей, помѣщенныхъ П. В. Анненковымъ въ „Вѣстникъ Европы“, съ перваго года его изданія и до настоящаго времени:

— Новѣйшая историческая сцена (*Дмитрій Самозванецъ*, драматическое представленіе Н. А. Чаева; *Смерть Иоанна Грознаго*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ и стихахъ, гр. А. К. Толстого. „Отеч. Записки“, № 1, 1866 г.) „Вѣстн. Евр.“ 1866, т. I, Историч. Хроника, стр. 66—83 (Воспомин. и Очерки, II, стр. 323—341).

— Русская современная исторія въ романѣ И. С. Тургенева: „Дымъ“. — „Вѣстн. Евр.“, 1867, т. II, Истор. Хроника, стр. 100—120. (Воспомин. и Очерки, II, 342—363).

— Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: „Война и миръ“. — „Вѣстн. Евр.“ 1868, кн. 2, Хрон., стр. 774—795. (Восп. и Очерки, II, стр. 364—386).

— Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху. По новымъ документамъ. — „Вѣстн. Евр.“ 1873, кн. 11, стр. 5—69;

кн. 12, стр. 457—489; 1874, кн. 1, стр. 5—49, кн. 2, стр. 481—558. (Въ отдѣльномъ изданіи, Спб. 1874).

— Замѣчательное десятилѣтіе, 1838—1848. Изъ литературныхъ воспоминаній.— „Вѣстн. Евр.“ 1880, кн. 1, стр. 216—243; кн. 2, стр. 461—510; кн. 3, стр. 5—52; кн. 4, стр. 457—506; кн. 5, стр. 5—67. (Восп. и Очерки, III, стр. 1—224).

— Общественные идеалы А. С. Пушкина. Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта.— „Вѣстн. Евр.“ 1880, кн. 6, стр. 595—637. (Восп. и Очерки, III, стр. 225—267).

— Любопытная тѣжба. Замѣтки.— „Вѣстн. Евр.“ 1881, кн. 1, стр. 16—43.

— Литературные проекты А. С. Пушкина. Планы социальнаго романа и фантастической драмы.— „Вѣстн. Евр.“ 1881, іюль, стр. 29—60.

— Художникъ и простой человѣкъ. Изъ воспоминаній объ А. Ѳ. Писемскомъ.— „Вѣстн. Евр.“ 1882, кн. 4, стр. 623—660.

— Идеалисты тридцатыхъ годовъ. Біографическій этюдъ (о Герценѣ и Н. П. Огаревѣ).— „Вѣстн. Евр.“ 1883, кн. 3, стр. 122—171; кн. 4, стр. 501—543.

— Молодость И. С. Тургенева. 1840—1856 г. — „Вѣстн. Евр.“ 1884, кн. 2, стр. 449—473.

— Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ. 1856—1862.— „Вѣстн. Евр.“ 1885, кн. 3, стр. 5—41; кн. 4, стр. 465—505.

— Изъ переписки съ И. С. Тургеневымъ въ 60-хъ годахъ.— „Вѣстн. Евр.“ 1887, кн. 1, стр. 5—29; кн. 2, стр. 461—477.

ВЪСНУКЪ СВЯТЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМЦЕВЪ.

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1887.

ПЕТЕРБУРГЪ